26.05.2004

26 мая — с. 25

Александр Калягин:

«Бедной Настей» меня соблазнили

Александр Калягин

Не успел включить диктофон, как Сан Саныч предупредил: настроение не в дугу, не обессудь, если разговор невеселым получится. Я ответил в том смысле, что, собственно, шел не за свежими анекдотами из театральной жизни. А почему настрой паршивый, спрашиваю. Оказывается, Калягин приехал со стройки своего театра, где все идет сикось-накось: привезли бетон — не тот, залили — не туда, прорубили дверь в стене — не там... «Ладно, я пятнадцать лет дачу построить не мог, это было в советские времена, но сейчас-то, сейчас?!»

«Похудеть для роли — без проблем»

— Пока ждал вас, Сан Саныч, стены в приемной разглядывал — фотографии, афиши, грамоты. Особенно понравились два лауреатских диплома премии «Золотая Маска». Один — театру «Et cetera» за спектакль «Король Убю», второй — непосредственно за роль этого самого короля...

— Да, работа была признана лучшей в позапрошлом сезоне, получила высокую оценку.

— Главная-то фишка в чем: оба диплома подписал председатель Союза театральных деятелей России Александр Калягин — и театру, руководимому Александром Калягиным, и исполнителю роли Убю Александру Калягину...

— Хочешь сказать, сам себя наградил?

— Вроде того. Рука не дрогнула автограф ставить?

— Не-а, не дрогнула... Не на то ты внимание обращаешь.

— А на что надо?

— Сейчас скажу. На самом деле премия — это х...ня! Если бы ты мог так написать в газете!

— Выражаетесь, как ваш матерщинник Убю! Я-то напишу, Сан Саныч, говно вопрос, но вы все-таки объяснитесь...

— Попробую выразиться при помощи слов-заменителей. Х...ня — не в смысле жесткости или моего неприятия наград. Нет, безусловно, это вещь достаточно приятная, но не более того. По сути, титулы и звания мало что меняют в жизни нормального человека.

— Что же тогда все как ненормальные стремятся к признанию?

— Допустим, не все... К тому же награда далеко не всегда означает признание. Думать так наивно. Еще более глупо относиться к себе как к пупу земли. Верный способ свернуть себе шею... Что касается «Золотой Маски», тут статья особая. Все-таки национальная театральная премия, знак отличия коллег по цеху. Поверь, это важно не столько мне лично, сколько моему театру. Если бы не отметили за роль Убю, наверное, расстроился бы. Попереживал бы несколько дней и успокоился. Впервой, что ли? Сколько раз пролетал мимо наград — прикажешь после каждого непопадания в призы стреляться? С тем же «Королем Убю» нас выдвигали на Государственную премию России, но обнесли.

— Зато у вас уже есть две Госпремии СССР.

— Не за то, за другое! Но, заметь, не кричу об этом на каждом углу. Вот афиша театра: найди здесь упоминание о моем двойном лауреатстве. Не сумеешь, нет тут этого.

— Может, предпочитаете не напоминать лишний раз? Все-таки одну премию вы получили за действительно классный фильм Рустама Ибрагимбекова «Допрос», но вторую-то — за роль Ленина в пьесе Шатрова «Так победим!»...

— А ты видел наш спектакль во МХАТе? Абсолютно не стыжусь той работы, считаю ее одной из лучших у себя, хотя всегда боялся изображать на сцене политических деятелей. Слишком уж велик риск заработать клеймо на всю оставшуюся жизнь. Но я не был ни адвокатом Ленину, ни судьей, а всего лишь постарался показать трагедию личности, одиночество человека, находящегося на краю могилы... Спасибо тем, кто не убоялся отметить нас наградой. Помню, домашние порадовались, жена, дочка... «Папа получил премию!» Но этого чувства хватает от силы на пару месяцев, а потом как-то забывается. Ну лежит у меня медалька. И что с того?

— А за роли в картинах у Михалкова вас ничем не отметили?

— Тоже, кстати, тема! Обошлось без призов и званий, но разве фильмы стали из-за этого хуже? На мой взгляд, «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Раба любви» — лучшее из сделанного Никитой.

— Он больше не звал вас сниматься?

— Нет, хотя и шутил: может, и напишу для тебя роль, если похудеешь.

— Однажды Михалков уже проделывал такой трюк с вами.

— Да, на «Механическом пианино». Саша Адабашьян взял мое фото и нарисовал овал на лице: мол, надо вписаться в эти рамки. Я тогда сбросил двадцать два кило...

— А если и теперь Никита Сергеевич подкорректирует ваш портрет?

— Даст роль — обязательно пойду. И похудею в случае нужды. Мне интересно понять, каким стал Никита сегодня. Изменился ли его почерк, манера работы с актерами. Может, заблуждаюсь на счет Михалкова, что-то важное в нем упускаю? Не спешу присоединиться к хору, ругающему сегодня Никиту. Почему-то кажется, что порой вижу больше других, знаю этого человека лучше многих. Понимаю, откуда берется его монархическая амбициозность, боюсь, он становится рабом одной идеи, а это обидно. Мир слишком широк, в нем столько оттенков и полутонов! Впрочем, повторяю, никогда не брошу в Никиту камень...

— Ваши разногласия начались ведь не вчера, Сан Саныч.

— Это не разногласия, ты не совсем верно формулируешь. Правильнее говорить о тех малых поступках, которые, накапливаясь, приобретают глобальный характер... В общем-то нам с Никитой делить нечего. Когда-то мы были действительно дружны, сейчас разошлись, но вслух я готов говорить только о творчестве. Видел последние картины Никиты и не могу избавиться от чувства, будто в них много придуманного, что не делает фильм ясным, чистым, пронзительным. Смотришь и чувствуешь, как Никита старается насытить каждый кадр, ему все мало, мало, мало! В итоге картина получается перегруженной, отягощенной. От этого сильно устаешь...

«Когда родилась Ксюша, у нас с женой ничего не было»

— На Михалкове свет клином не сошелся. Другие вас зовут сниматься?

— Буквально позавчера разбирал сценарии, присланные за последнее время. Большую часть выкинул без колебаний и сожалений... Честно говоря, сам хочу снять картину. Долго искал подходящий материал и вот, кажется, нашел. Есть чудный сценарий. Называется «Происхождение». Впрочем, это мало что говорит. Если удастся сделать фильм, тогда поймешь, о чем речь.

— Когда запускаетесь?

— Как у тебя все просто! Сначала надо пробить идею, согласовать, деньги найти...

— В качестве режиссера вы уже сняли несколько картин. Убеждены, что эти опыты стоит продолжать?

— Понимаю намек: не все разделяют мое рвение... Не знаю, стоит ли длить эксперимент, но очень хочется! Скажу абсолютно искренне: меня не покидает ощущение кризиса. Перманентного кризиса! Никогда не знаю, что играть, что ставить, что сделать на сцене такого, дабы самому получить удовлетворение!

— Не сгущаете краски, Сан Саныч?

— Не могу избавиться от чувства, будто все уже было в моей жизни. И это прошел, и то попробовал. Повторяться не имею права, вот и мечусь, ищу...

— Ну а в «Бедную Настю» как вас угораздило вляпаться? В большом кино не снимаетесь, а сериалом соблазнились?

— Соблазнили... Не вправе говорить дурно о людях, с которыми работаю, но для меня это был вынужденный шаг. Могу перекреститься: полгода отказывался от роли. Имел на то причины. Достаточно сказать, что уже дважды играл Жуковского — в ленфильмовской картине «Последняя дорога» и у покойного Бориса Галантера в компании с Юрой Богатыревым и Мишей Козаковым...

— Бог троицу любит!

— Ну да! Чтобы потом в некрологах написали: усопший с поразительным упорством на протяжении всей творческой жизни возвращался к образу Василия Жуковского, видимо, пытаясь открыть нечто неведомое, разгадать тайну поэта...

— И все же согласились погадать еще раз.

— У нас с тобой интервью или сеанс признаний?.. Можешь допустить, что мне элементарно нужны деньги, вот и стал играть в «Насте»?

— Неужели на жизнь не хватает?

— На «Механическом пианино» Саша Адабашьян взял мое фото и нарисовал овал на лице: мол, надо вписаться в эти рамки. Я тогда сбросил двадцать два кило...

— Напрасно думаешь, будто у меня горы золотые. Восемь тысяч рублей получаю как худрук театра, столько же положено за председательство в СТД. Вот и вся арифметика. Не мне тебе объяснять: жизнь нынче дорогая. Конечно, я не бедствую, но в долги влез... У нас состоялся домашний совет, на котором постановили: принципиальность, конечно, хороша, но чужое возвращать надо. Так что я поступил совершенно осознанно.

Что касается твоего вопроса, то мне всегда хватало на жизнь, как бы трудно ни приходилось. Когда родилась Ксюша, у нас с женой ничего не было. Ну ровным счетом ничего! Я только закончил театральное училище, еще толком не зарабатывал. Долгое время в нашем меню значилось одно-единственное блюдо — картофельные оладьи. День за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем делали и ели драники. А что еще придумаешь из картошки, подсолнечного масла, ста граммов молока и щепотки муки? На большее семейный бюджет не позволял рассчитывать. Зато дочке покупали всякие вкусности. Киви и ананасы тогда еще на прилавках не лежали, но все доступное брали. А как иначе?

...Не привык жаловаться или сдаваться. Это не в моей генетике, не в моем характере. Капитулировать позволительно только перед смертью, а пока жив, надо бороться. И дело не в том, что так уж люблю лезть под пули или на баррикады, но и уступать в принципиальных ситуациях не вижу смысла. Если жизнь бросает вызов, его нужно принимать. Поэтому, кстати, в свое время ушел из «Таганки», отработав у Любимова два года после театрального училища. Более того, писал Юрию Петровичу письма, где требовал от мэтра уважительного к себе отношения... Такой у меня характер.

— Сейчас-то общаетесь с Любимовым?

— Все нормально. Столько лет прошло...

Банально звучит, но искренне верю: все происходящее с нами — к лучшему. В моей жизни много мистического. Сейчас строю здание театра на Мясницкой. Площадку, как ты понимаешь, не сам выбирал. Где выделило московское правительство, там и зарылись в землю. Когда назвали адрес, вздрогнул. Это же мои родные места, роднее не бывает! Меня зачали на Мясницкой, бывшей улице Кирова, в трехстах метрах от места, где встанет «Et cetera». Беременная мама уехала в эвакуацию, и на свет я появился в Кировской, заметь, области. Театр на Кировской-Мясницкой станет вторым у меня. Первым был детский, его сделал знакомый столяр, и я не признавал иных игр, кроме как в артиста. С девяти лет пропадал в цирке на Цветном бульваре, где мама разыскивала меня с милиционером. Понимаешь, да? С детства мечтал о том, чем в итоге и занимаюсь. Есть полное основание назвать себя счастливым человеком, но с годами начинаешь чувствовать, как время все ускоряется, спрессовывается, и откуда-то возникает ощущение внутренней неуверенности. Кажется: не успею сделать, сказать что-то важное, поразить чем-нибудь ярким, необычным. На людях проще держаться бодрячком, но наедине с собой лгать совсем уж глупо. Оглядываешься вокруг и понимаешь: ничто и никто не вечен под луной. Уходят из жизни друзья, ровесники, и ты с годами не становишься сильнее и здоровее. Иногда ловлю себя на мысли: а ведь я пережил отца, задержался на свете дольше, чем он... Это обжигает, начинаешь торопиться, говоря, что нельзя разбрасываться, нужно сконцентрироваться на главном. Только подсказал бы кто-нибудь, что это, главное...

Впрочем, люди все в жизни делают ради себя и своих близких. Для меня всегда было самым важным, что скажет Женя, супруга, будут ли гордиться мною дети. Они давно стали взрослыми, дочка много лет живет в Америке, растит моего любимого внука, но мне по-прежнему необходимо слышать слова поддержки и одобрения родных...

«Для внука Тимофея я — дедушка из России»

— А как Ксения за океаном оказалась?

— Долгая история... Если излагать по порядку, сначала надо рассказать о моей сокурснице по медучилищу Фаине Венделанд... Можешь представить меня шестнадцатилетним?

— Честно говоря, с трудом.

— Тем не менее было. Мы дружили, вместе готовились к экзаменам, играли в художественной самодеятельности...

— Крутили любовь?

— О чем ты? Чистота и целомудренность! Если вздохи и прискальзывали, то тихонько, тайком. Искренние, товарищеские отношения, которые возможны, наверное, лишь в юности. Но мы, и повзрослев, продолжали дружить. Когда умерла Таня, именно Фаина во многом взяла на себя заботы по воспитанию Ксюши. Дочери тогда было пять, у Фаины родилась Жанна, и она фактически растила сразу двоих. Разрывалась между работой, моим домом, своим... Кстати, Фаина держала меня на диете в «Механическом пианино». Я брал ее с собой в Пушино...

Словом, так продолжалось несколько лет. Фаина закончила медицинский институт, потом педагогический, и все равно ей тут было очень тяжело. Пятым пунктом душили со страшной силой, по поводу и без вспоминали еврейское происхождение. Нигде не брали на работу, нигде! Допекли... Вместе с больной матерью Фаина уехала в Израиль, прожила там десять лет и перебралась в Штаты. Все эти годы мы не теряли связь, продолжали перезваниваться, хотя порой это, мягко говоря, не приветствовалось. Когда можно стало ездить, начали встречаться. Одна из таких поездок случилась летом 1991-го. Мы прилетели к Фаине всей семьей. Гуляли, отдыхали. И вот 19 августа, путч. Фаина включила телевизор, посмотрели мы на репортаж из Москвы, полюбовались на танки у Белого дома, и Ксения сказала: «Папа, я хочу остаться здесь».

Никогда не соглашался бы, если бы не Фаина. Дочка очень дорога мне. Называю ее моим якорем, она не позволила мне сорваться, удержала в профессии, в жизни... Ради нее все делал, хотя наступали моменты, когда элементарно не представлял, чем накормить дочь.

— Даже так?

— Татьяна умерла в 1972 году... Сколько мне было от роду? Тридцать лет. Почти никто не знал меня как актера. Я успел сняться в фильме Абрама Роома «Преждевременный человек» да сыграть роль Пиквика в двухсерийном телеспектакле «Пиквикский клуб». Все остальное недостойно упоминания. Новых предложений нет, денег нет... Но пуще материальных трудностей доставали психологические проблемы. Не представлял, как жить дальше. В 1973-м похоронил маму и фактически остался один. Казалось, черной полосе не будет конца. Внешне все выглядело вполне пристойно, а внутри — выжженная земля. Жил как робот. Каждый понедельник отвозил Ксеньку на такси в интернат, в среду навещал ее, в пятницу забирал на два дня, по субботам утюжил простиранное накануне белье, кое-как подшивал белый кружевной воротничок к школьной форме... Получалось почему-то плохо — кривые стежки, складки, морщины... Очень давило одиночество, очень! Но Ксюша, сама того не ведая, вдохнула в меня жизнь... Поэтому с таким трудом оставлял ее в США. Наверное, поступил тогда правильно. Должен быть благодарен Америке хотя бы за внука, за Тимофея...

— Сколько ему лет?

— Три с половиной. С мамой говорит по-русски, с папой — по-английски...

— А про то, какой у него знаменитый дед, знает?

— Зачем ребенку голову ерундой забивать? Для него я дедушка из России. Этого вполне достаточно. Ему. Да и мне эта роль очень нравится...

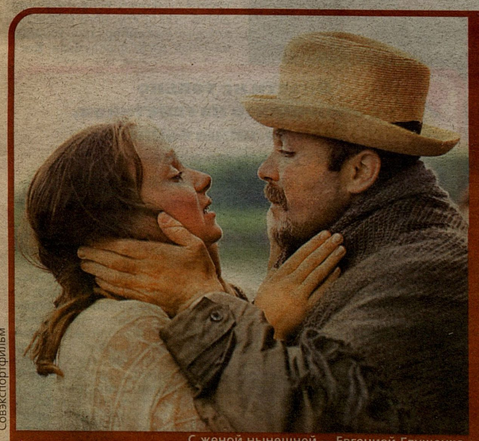
— С автографов начали разговор, ими и закончим. Смотрел репортаж о вашей встрече с Путиным. Он случайно не попросил вас черкнуть пару слов на память? Такое впечатление, что хотел...

— Случайно нет, не попросил. И вообще, по-моему, это к президенту ходят за автографом. На документах государственной важности.

— Получили?

— Все вопросы, которые намечал, обсудили. Будь спокоен, товарищ...

Андрей Ванденко.



С женой нынешней — Евгенией Глушенко («Неоконченная пьеса для механического пианино», 1977 год)

На съемках фильмов «Раба любви» (1975)...

...и «Свой среди чужих, чужой среди своих» (1974)

Совэкспортфильм

Фото Андрея Струнина